

ляемаго; что ясно видно изъ того, что съ возрастаніемъ испорченности должны возрастать силы исправленія, а съ уменьшеніемъ могутъ уменьшаться. Далѣе, что второй членъ равенства есть величина измѣняющаяся, это ясно изъ того, что есть различные способы или пути исправленія одного и того же человѣка, напр. вліяніе на разумъ силою убѣжденія, вліяніе на воображеніе силою прекрасныхъ образовъ нравственно чистаго человѣка, вліяніе на чувство добротою обращенія, и пр. Изъ этихъ способовъ, которые въ одномъ и томъ же случаѣ могутъ привести къ одной и той же цѣли, одни движутся по пути, гдѣ находятъ maximum сопротивленія (напр. дѣйствіе убѣжденіемъ на разумъ испорченнаго, у котораго воспримчивое сердце, но слабо развита способность и любовь къ сужденію), другіе движутся по пути, гдѣ встрѣчаютъ minimum сопротивленія (доброе обращеніе съ тѣмъ же испорченнымъ человѣкомъ). II воспитателя, смотря по тому, умѣетъ ли онъ находить и пользоваться этими путями, ведущими черезъ minimum сопротивленія, или не умѣетъ, мы называемъ или способнымъ исправлять другаго, или не способнымъ. Наконецъ, что первый членъ равенства разлагается на три части, изъ которыхъ каждая можетъ уменьшаться (но никогда — исчезнуть совершенно) при увеличеніи другой части, это также можно наблюдать въ разсматриваемомъ примѣрѣ: сила исправляющаго вліянія можетъ дѣйствовать тѣмъ болѣе короткое время, чѣмъ болѣе напряжена она, — таковы всѣ потрясающія впечатлѣнія, напр. смерть близкаго любимаго человѣка, утрата здоровья, нестерпимый позоръ; въ случаѣ же меньшей напряженности для достиженія той же цѣли исправляющая сила должна дѣйствовать болѣе продолжительное время (перерожденіе испорченнаго характера путемъ воспитанія); наконецъ и продолжительность, и напряженность вліянія можетъ уменьшиться съ увеличеніемъ количества вліяющаго (напр. когда родные, друзья, учитель, священникъ одинаково вліяютъ исправляющимъ образомъ, тогда сила вліянія каждаго изъ нихъ можетъ быть менѣ той силы,

какая потребовалась бы со стороны одного вліяющаго; или сила убѣжденія, ласки и прекраснаго образа можетъ быть меньше силы одного убѣжденія или одной ласки или одного прекраснаго образа). На этомъ свойствѣ перваго члена разсматриваемаго равенства основаны законы вліянія среды (всего окружающаго), сосредоточеннаго вліянія (на всѣ стороны окружаемаго), вліянія народныхъ бѣдъ, и пр., значеніе которыхъ никогда не было ни достаточно изучено, ни достаточно оцѣнено. Есть напр. типы человѣческой испорченности, которые не могутъ быть уничтожены никакимъ другимъ средствомъ, кромѣ какъ только однимъ страданіемъ, и которые поэтому широко распространяются въ періоды спокойной, установившейся исторической жизни. Но подробнѣйшее разсмотрѣніе всего этого относится къ ученію о Мирѣ человѣческомъ и не существенно въ ученіи о цѣлесообразности.

Теперь точнѣе опредѣлимъ, что такое преодолеваемая сила сопротивленія и преодолевающая сила дѣйствія въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Каждая цѣлесообразность совершается въ средѣ, чуждой этой цѣлесообразности, инертной для нея. Такъ общество, въ которомъ я хочу осуществить какую либо идею, во мнѣ возникшую, чуждо моей цѣли, потому что не знаетъ ее; такъ матеріалъ, изъ котораго художникъ дѣлаетъ статую, сопротивляется его рѣзцу. Уничтожить эту инертность, неподвижно лежащее или не соотвѣстственно данной цѣли совершающееся привести въ цѣлесообразное движеніе—и есть то, что предстоить дѣятельной силѣ, уничтожающей сопротивленіе лежащаго между *idea rei* и *res, in quam idea rei*. Но этою задерживающею средою еще не исчерпывается сила сопротивленія: она предшествуетъ вышнему объективному процессу цѣлесообразности, и остается еще, когда онъ повидимому уже оконченъ. Именно, и въ самомъ духѣ, въ которомъ возникаетъ *idea rei*, она должна преодолѣть нѣкоторое сопротивленіе, чтобы выйти изъ него и стать вышнимъ процессомъ, напр. смутностьжелаемаго, неуверенность въ силахъ, равнодушіе къ будущему; и когда наконецъ

этотъ процессъ совершился и все необходимое для осуществленія цѣли уже сдѣлано, активному началу остается еще послѣднимъ усиленіемъ воплотить образъ въ вещь. Такимъ образомъ *id, quod inter ideam rei et rem ipsam* есть инертное для цѣли — приводимое въ цѣлесообразный процессъ, и безразличное для нея — становящееся черезъ этотъ процессъ ея воплощеніемъ; или, что то же, есть путь, по которому проходитъ идея отъ чистаго пребыванія въ сознаніи субъекта до овеществленія своего во внѣшнемъ объектѣ. Сила же преодолевающая сопротивленіе того, что лежитъ на пути идеи къ своему осуществленію во внѣшнемъ мірѣ, есть сила желанія, пробуждаемаго въ духѣ возникшимъ образомъ или понятіемъ цѣли, и порою эта сила бываетъ такъ слаба, что не преодолеваетъ даже и субъективнаго сопротивленія, такъ что возникшее въ духѣ не разрѣшается никакимъ дѣйствіемъ, остается безплоднымъ образомъ и желаніемъ; порою же она развивается до такихъ размѣровъ, что преодолеваетъ сопротивленіе цѣлыхъ народовъ и даже всего человѣчества — до сихъ поръ, впрочемъ, всегда на время ¹⁾.

Условія, которыя способствуютъ увеличенію этой дѣятельной силы въ цѣлесообразныхъ процессахъ, заслуживаютъ по своей важности самаго внимательнаго изученія. Изъ нихъ мы называемъ два — силу воображенія и ясность пониманія. Первое, т. е. воображеніе, дѣлаетъ то, что отдаленное будущее, образъ котораго возникаетъ въ духѣ, пріобрѣтая поразительную ясность и осязательность, какъ бы приближается къ духу и входитъ въ него,

¹⁾ Говоря «цѣлаго человѣчества» мы разумѣмъ всѣхъ людей, съ которыми соприкасалась эта сила. Высочайшее проявленіе такой силы духа мы находимъ у наиболѣе даровитыхъ личностей изъ наиболѣе даровитыхъ народовъ. Такихъ личностей, самыхъ сильныхъ въ исторіи, мы думаемъ, было три: Цезарь, Иннокентій III и нашъ государь Петръ I. Въ первыхъ двухъ особенно поражаетъ насъ удивительное соединеніе желанія съ тонкимъ и пронизательнымъ умомъ, что давало возможность имъ не только страстно стремиться къ задуманной цѣли, но и господствовать надъ средствами. Въ третьемъ изъ названныхъ людей не было этого умѣнья избирать пути съ *minimum*омъ сопротивленія, и кромѣ того исторія не такъ хорошо подготовила для него путь, какъ для первыхъ двухъ. Такъ что это былъ, по всему вѣроятію, наиболѣе сильно желавшій человѣкъ на землѣ.

овладѣвая всѣми его силами. Это дѣйствіе живости во-
ображенія; а его неутомимость дѣлаетъ то, что разъ воз-
никшій образъ становится неподвижнымъ въ сознаніи
и, заслоняя собою все остальное, заставляетъ человѣка
жить только собою. Этотъ-то вѣчно неподвижный и яркій
образъ отдаленнаго будущаго есть источникъ того, что
мы называемъ фанатизмомъ, и безъ котораго, вопреки
сложившемуся мнѣнію, мы думаемъ не бываетъ ни вели-
кихъ людей въ жизни, ни великихъ дѣлъ въ исторіи.
Второе же, т. е. ясность пониманія, способствуетъ обра-
зованію въ человѣкѣ твердыхъ понятій относительно того,
что необходимо для будущаго, и твердыхъ убѣжденій, что
это необходимое можетъ быть осуществлено.

Х. Ученіе объ отношеніи цѣлесообразности къ другимъ
сторонамъ бытія распадается по числу послѣднихъ на
ученіе объ отношеніи ея къ существованію, къ сущности,
къ свойствамъ, къ сходству и различію и къ числу. Раз-
смотримъ каждое изъ этихъ отношеній порознь.

Всякая цѣлесообразность имѣетъ двѣ формы существо-
ванія: идеальную, которая первоначальна по времени;
и реальную, которая слѣдуетъ за нею во времени. Изъ
нихъ первая есть потенція второй, и вторая никогда не
возникаетъ и не можетъ возникнуть безъ первой; потому
что все, что совершается въ дѣйствительности или что
существуетъ въ ней не пройдя ранѣе черезъ сознаніе того,
кто хочетъ этого существованія или совершенія, не есть
уже цѣлесообразность, но только одна чистая причинность.

Въ идеальной формѣ своего существованія цѣлесообраз-
ность заключаетъ въ себѣ все то, что заключается въ ея
реальной формѣ, кромѣ дѣйствительности; т. е. въ обихъ
формахъ тѣ же части и такъ же расположенныя, но только
въ одной — сознаваемая и желаемая, а въ другой — осу-
ществленная. Процессъ осуществленія первыхъ формъ,
идеальныхъ, и есть цѣлесообразный процессъ, въ кото-
ромъ идеи духа соприкасаются съ пространствомъ, замѣ-
неннымъ матеріею. Путемъ этого соприкосновенія идеи
овеществляются въ матеріи, и матерія одухотворяется

идеями, приходи въ разумное, т. е. прошедшее ранѣе черезъ сознаніе, движеніе, и принимая сознанную прежде форму.

Что все сказанное справедливо, въ этомъ можно убѣдиться разсмотрѣвъ какое либо единичное явленіе цѣлесообразности. Ранѣе, чѣмъ явится процессъ доказательства геометрической теоремы, или дѣланія статуи, или устройства государства, этотъ процессъ совершится въ сознаніи того, кто доказываетъ теорему, дѣлаетъ статую или устраиваетъ государство; т. е. и образъ или понятіе дѣлаемаго, и процессъ (способъ, путь) дѣланія пройдя черезъ сознаніе пройдетъ черезъ идеальную форму своего существованія. А что эта форма есть потенція будущей реальной формы, это ясно изъ того, что послѣдняя никогда не возникнетъ безъ первой: ни теорема не докажется, если ранѣе не была открыта или обдуманна, ни статуя не сдѣлается, если ея образа не было въ душѣ художника, ни государство не устроится, если планъ устройства не прошелъ черезъ умъ политика. Наконецъ, что въ результатъ цѣлесообразной дѣятельности всегда является смѣшеніе вещества и духа, это ясно изъ того, что если въ доказательствѣ теоремы мы устранимъ звуки словъ и начертанныя фигуры — то получится чистое понятіе геометрической истины, если въ сдѣланной статуѣ удалимъ мраморъ — то получится чистый образъ ея, и въ государствѣ, если мысленно отвлечемъ его отъ живыхъ людей и писанныхъ законовъ — получится чистая идея государства.

XI. Въ идеальной формѣ своего существованія цѣлесообразность всегда предшествуетъ сущности того, что цѣлесообразно существуетъ или совершается въ дѣйствительности, и, создавая эту сущность, воплощается въ части ея.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ выше доказано было, сущность всего пребывающаго слагается изъ вещества и формы, а сущность всего совершающагося состоитъ въ строеніи элемента измѣненія и въ строеніи процесса, какъ порядка расположенія этихъ элементовъ. Цѣлесообразность же,